

ТРОПОЙ ЛЮБВИ

Дмитрий Амосов – рослый красавец с копной тёмных, вечно косматых, непослушных волос был коренным сибиряком, потомком первых казаков – переселенцев с Дона и Поволжья. Аборигены Енисейской губернии таких называли чалдонами. Общительный и услужливый, он со всеми находил нужный разговор, был лидером у деревенских мужиков. Те роились вокруг и липли к нему, как шмели на сахар. По вечерам в будние дни в амосовской кузне лавок не хватало. Мужики сидели на полу, постелив под себя лоскуты старой кошмы, и расходились по домам за полночь, частенько гонимые незлобивой женой хозяина Людмилой.

На шумных гулянках Дмитрий, лихо распластавший ромашковые меха старенькой гармошки и едва успевший пройтись по аккордам, был тут же настоятельно востребован друзьями. Те торопили и до самой ночи не давали ему никакого продыху: «Спой да спой». Есть в заимке певцы и поголосистей, но застольный народ настойчиво требовал: «Давай, Амосов, давай!»

И он затягивал одну за другой старинные казачьи песни. Негромко, с лёгкой хрипотцой, раскатистым, будто Тунгуска на порогах, голосом. И сразу селяне начинали несмело, нестройно подтягивать, подвывать ему. А то просто тихо улыбались, потаённо смахивая увесистыми кулаками быстрюю талую слезу души.

Дома Амосов не навязывал своего главенства. Безмерно любил раскосую красавицу Людмилу, однажды летним вечером выкраденную им из богатого чума. Отец девушки, уважаемый знатный оленевод Эмидак Монго, пообещал её в жёны известному в Приангарье охотнику Онкоулю Момолю. Степенный, знающий себе, своему слову цену Монго слушать не хотел о другом зяте. И вовсе не потому, что Момоль давал за невесту десять оленей, десять ящиков водки и пятьдесят баргузинских соболей. Да каждое лето на годовщину свадьбы обещал дарить тестю по шкуре медведя и рога сохатого в придачу. «Подумай, дочь! – уговаривал отец Людмилу, – завидный жених из древнего рода желает тебя в жёны. Момоль – такой же, как мы, эвенк. Сын тайги. Преданно служит ей. А как ты собираешься жить в поселке без Энин – Буги, прародительницы нашей, оленихи – мамы?!»

Но были запоздалыми доводы и уговоры отца...

К тому времени Дмитрий и Людмила уже полюбили друг друга и торопились стать мужем и женой.

Познакомились влюблённые в Байките на слёте молодых буровиков нефтеразведки, где Дима в фойе клуба пел под гитару «Главное, ребята, сердцем не стареть!». Тогда напротив его стояла черноволосяя девушка с распахнутыми, темнее ночи, лукавыми глазищами и слишком откровенно разглядывала симпатичного парня. В какое-то мгновение молодого исполнителя так захлестнуло волной её флюидов, что у того горло перехватило. Казалось, сердце вот-вот вырвется из груди и, пылая, полетит к чаровнице... Возгорелся певец. Вспотел и задохнулся, забыв про всё на свете, где есть и что делает. Не допев песню, смущённо извиняясь перед зрителями, он торопливо отдал гитару в руки виновницы своего провала. Та восхищённо и счастливо приняла её, словно севшую на ладони жар-птицу...

... Потом они долго бродили по звенящим солнцем улицам, рассказывали о себе самое сокровенное, потаённое и только вечером спустились к причалу, где к назначенному часу стояла моторка, присланная за Людмилой отцом Эмидаком.

Потеряв рассудок от нахлынувших, неподвластных чувств первой влюблённости, первого расставания, Дмитрий растерялся, не зная, что предпринять и как дальше жить, без этого лесного чуда – такой прелестной и единственной во всем свете Людмилы. Долго не раздумывая, сел вместе с ней в лодку, которая полетела вниз по Тунгуске стремительной белокрылой птицей.

Вскоре они предстали перед строгим взглядом Эмидака Монго, уничтожающе сердито смотрящего на незваного луча*. Тот, признаться, вовсе не ожидал такого приёма. Оробел, сник. Не в его характере было такое, а вот же...

До стойбища добрались быстро. Дмитрий первым выпрыгнул из лодки на берег, а потом на руках вынес своё сокровище.

Красивый, крепкий отец Монго что-то сказал пожилому лодочнику, и тот легонько толкнул парня в сторону реки. Но трепетно дрожащие, крепко переплетенные руки влюбленных никак не удавалось разъединить. Они то расслаблялись, то вновь сцеплялись

Луча – русский, с эвенк.

намертво, давая себе возможность побыть рядом, хоть на минуту дольше. Пожилой эвенк с пониманием и сочувствием поглядывал на влюблённую пару. Щуря и без того узкие глаза, терпеливо накручивал на большой палец свой длинный белый ус. Но после очередных нетерпеливых, возмущенных возгласов Эмидака теперь уж напористо, раз за разом толкал в плечо незнакомца. Отшатнувшись от горячо дышавшей избранницы к лодке, Дмитрий запрыгнул в неё, успев на прощание шепнуть девушке, что его буровая вышка неподалеку от их стойбища, и он будет ждать любимую каждый вечер у Лунной косы. Старый эвенк не говорил по-русски и молча доставил его обратно в Байкит.

На первом же свидании Людмила сообщила о непреклонном решении отца породниться с Онкоулем Момолем. Свадьбу назначил на июль. В чуме о луче и говорить запретил. Но упрямица дочь решительно отказывалась подчиняться воле родителя. Они впервые поссорились. «Не позорь моё имя и честь древнего рода! Я сдержу слово, данное Момолу, и ты станешь его женой! Будешь ещё благодарить за достойного мужа!»

На этом Эмидак тогда сам прервал разговор, считая решённой судьбу дочери.

Спасая любовь, Дмитрий с Людмилой ломали головы, как устроить побег, понимая, что он возможен только в отсутствие Эмидака. Тот, вроде, собирался уйти на дальнее стойбище для пополнения перед свадьбой стада диких оленей. Юноша сразу уцепился за обнадеживающее обстоятельство, повеселел:

– Надо не упустить посланную нам свыше удачу! Возьмём с друзьями отгулы и под видом рыбацкой артели подежури́м у реки в ожидании счастливого часа.

Но ничего из их затеи не вышло бы, если б выбор дочери не поддержала мать Людмилы Элана. Будто угождая мужу и жениху, готовилась показать богатое невестино приданое, набивала куль за кулём роскошной постелью, посудой, шкурами да

чёрноспинными соболями. Шила дорогие одежды томноокой любимице, благословляя единственную кровинку в новую жизнь, жизнь с любимым. Счастье для самой Эланы с привезенным знатными родителями мужем Эмидаком так и осталось несбыточным сном...

Опытный и умный Эмидак, тревожась за дочь, учуял неладное и под всякими предложениями оттягивал время своего ухода в тайгу, неотлучно оставаясь в чуме.

А дни таяли и таяли, словно лёгкие облака в бездонном небе. Теперь уж считанные часы отделяли Людмилу от ненавистного жениха Онкоуля. Но Монго так и не решился оставить непослушницу без присмотра. Дотянул до последнего дня, до сумерек, и только тогда уплыл встречать прилетающего в Байкит ранним утром дорогого зятя Онкоуля.

«Вот она моя жар-птица, судьба! Сейчас уж я поймаю её!». Под покровом ночи счастливый Дмитрий вынес из родного чума вмиг повзрослевшую, зарёванную, но безумно счастливую Людмилу и унёс к могучей, бурной Тунгуске – реке их новой жизни. Она уплывала с любимым дальше и дальше от родного берега. Покачивающийся в зеркально-серебристых волнах девичий силуэт вскоре исчез. Надолго. Навсегда...

...Когда жена сообщила Дмитрию о второй беременности, он, кружа Людмилу в объятиях, пел и плясал. Их радости, казалось, не будет конца.

– Завтра же пошлю аргиш* к Эмидаку. Пусть твои отец с матерью перекочёвывают к нам нянчить внуков. Хватит деду дуться. Скоро третьего наследника подарим, а ему всё неймётся. Не молодые, чтоб одним в тайге жить. Как думаешь, прав я?

Как ей ещё было думать-то. И только утром муж спросил:

– А можно ли тебе, солнышко, рожать? Врачи и первые роды нам не разрешали!

Она уверенно и игриво ответила:

– При моей-то силушке грех, Митя, не рожать! Не беда! Медики страшат, мол, мой отрицательный резус фактор при положительном мужа – большой риск, но ведь родила близняшек-то. И ничего, слава Богу, здоровенькие.

– И то, правда. Быстроногие первенцы, словно кедрята на южном взгорке, подрастали час от часу. Без пяти минут двухлетки. Мужики! А тебе, знаю, не терпится вновь насладиться материнством. Рожай, радость моя, рожай. И десятерых прокормлю.

Крепко любил он своих черноглазых баркачан*. Те напоминали ему птенцов болотного черныша - задиристых, крикливых. Не прошло двух недель, как таёжные чернышата начинали летать. И эти, амосики на одно лицо, заговорили и встали на ножки – года не было. Только мать скажет, кто из них кто. Толю от Коли отец отличить не мог. Но папа – хитрый. Быстро сообразил и Толе стал прикалывать сзади к рукаву маленькую булабочку. Люда удивлялась:

День-деньской с ними, но совсем недавно стала их уверенно различать по вечно торчащим волосикам на макушке у Коли, а ты как-то быстро...

– Я – папа, мне кровь подсказывает! – улыбался довольный своей смекалкой муж. Но при первой же стирке его «хитрушка» обнаружилась.

– Дим! Твоя «зарубка» чуть палец насквозь не проколола! Сознаешься по-хорошему, бить не стану, – шутливо и примирительно потрепав его смоляные вихри.

Редкие часы общения с малышами для Дмитрия – самые счастливые. Он полностью отдавался на откуп детских фантазий. Сынишки-шалунишки зарывали его в прибрежный песок, ставили на четвереньки и до своего полного изнеможения катались на отцовской спине. Раскрашивали терпеливого папу под собачку, зайчика и Вина Пуха. Уставших, но не утомившихся малышей Дмитрий усаживал на колени, весело читал им поллюбившиеся «Уйгурские сказки». Потом серьёзно расспрашивал: что запомнили. Мальчишки наперебой улюлюкали. Гомону – на весь дом! Но Дмитрий с вниманием слушал, подбадривал, поддакивал, будто что-то понимал в их бесконечном лепете, нежно глядя чёрные, пушистые головки.

В те годы семья жила в глухой заимке Куюмбе. Амосов работал

*Аргиш – перекочевка, с эвенк..

*Баркачан – медвежонок, с эвенк в версте от дома, за Рыбачьим мысом, мастером на буровой. Та пикой упиралась в небосклон, по ночам пытаюсь нанизать на себя игривые, подмигивающие, но всегда ускользающие от неё звёзды.

В пургу, пятидесятиградусные морозы, когда и тайга-то от стужи кукожилась, смиренно укрывалась плотным белоснежным покрывалом, Дмитрий до полуночи стоически что-то мастерил в кузнице. Кому-то ладил отвалившиеся от саней полозья, кому-то «штопал» кухонную утварь, а Толе с Колей вечно ломающиеся игрушки.

Кормилица буровая давала щедрое пропитание куюмбовским семьям. Здесь зарабатывало на хлеб с маслом всё местное мужское и женское население. Он же работать жене не разрешал: хватало ей дел по дому. Нуждались в уходе и неустанном внимании шустро растущие мальчишки. Теперь и до родов Людмиле оставалось лишь два месяца. Надо бы слетать в Байкит к врачу, но погоды стояли нелётные – жгучий морозище с северным иглистым ветерком. В таком адском холоде даже металл сам по себе крошился, как сталинит при ударе. Вертолечки отсиживались дома, по нескольку раз за день выбегали на крыльцо, вглядывались в мгlistое небо и вымаливали у него милости.

Воздушное пространство над тайгой и заимкой в тот день наполнила радужно искрящая алмазная изморозь. Низкое солнце, пробивающееся к земле блеклым, рваным блином, лениво, безучастно сливалось с белой, стылой безбрежностью. И лишь дымящиеся печные трубы да лабиринты протоптанных в два-три человеческих следа снежных коридоров обозначали в бесконечном царстве звенящего холода дома северян, живущих, однако, своей привычной жизнью.

Дмитрий был на буровой, когда у Людмилы внезапно начались схватки. Соседей не дозовёшься, и она, наскоро одев притихших ребят, вышла на улицу. Кружилась голова, отнималась спина, резала ножом боль внизу живота. «Неужели роды?». Потом мало что понимала, но крепко держала в своих руках ручонки маленьких сынков. Её с детьми догнала чья-то санная повозка, отвезла в медпункт.

Повар с буровой передал фельдшернице Марии Ивановне с рук на руки теряющую сознание Людмилу и её замерзших, скулящих у ног безмолвной матери двухлеток, а сам помчался к Амосову.

В переднем углу конторы нефтяников на сколоченной из тесаных досок тумбе стояла единственная на заимке старенькая рация, которая неплохо работала при умеренно низких температурах. Но тут радист, как ни старался, настроить её не смог. Это означало, что на санавиацию из Байкита рассчитывать не приходится.

Не раз в таких случаях опытная фельдшерица успешно справлялась сама. Но сегодня всё складывалось против роженицы: отрицательный резус-фактор, кровотечение и... кома.

Мальчик родился чудом, измученный, обессиленный сопротивлением сильным рукам чужой тёти, вытянувшим его из тьмы.

Мама Люда уже была не с ним...

Малыш то на мгновение проваливался в тревожный сон, вздрагивал, жалобно всхлипывал, затихал, то снова по-щенячьи взвизгивал, плакал. Словно опротестовывал своё насильственное появление на белый свет без мамы...

Мария Ивановна, вырастившая троих детей, по-матерински крепко привязалась к незаслуженно обездоленному судьбой Андрюшке, ласково называя его «чернышом-амосёнком», «крестничком». Держала более месяца в стационаре, не доверяя никому заботу о нём. В свободное от приёма время склонялась над кюветкой беспокойного пациента. Постоянно разговаривала с ним, готовила молочные смеси, купала в травяных настоях. Городским лётчикам заказывала разные детские премудрости, которые помогали крохе набираться сил и расти.

Вскоре Андрюша по-амосовски твёрдо решил смириться с навязанной ему жизнью, остаться в этом неудобном мире, чтобы поближе самому рассмотреть и познать его. Теперь уже почти не плакал, а всё искал угольными, раскосыми глазёнками добрую тётю в белом халате, ждал нежного прикосновения тёплых рук, которым был обязан своим рождением. Наверстывал упущенные блага сном. Просыпаясь голодным волчонком, аппетитно опустошал приготовленные тётей молочные бутылки.

Малыш крепчал!

Отец часто бывал рядом с Андрюшей, оставляя старших на попечение рано овдовевшей, бездетной сестры Сони, решившейся на время оставить солнечный Сочи, чтобы помочь брату подрастить сыновей.

Амосов уволился с буровой, чтобы стать детям и мамой, и папой. Каждый год с весны и до первого снега семейство проживало на дальнем зимовье. Сытно кормили их неисчерпаемая тайга и большая рыбная Тунгуска. Потомственный охотник, кузнец, обеспечивал семью всем необходимым. Подрастающие парнишки охотно помогали ему. Отец приучал сыновей к тайге. Теперь она им мать. Сам же любил берендеево царство всей душой, преданно и заботливо. Не каждый мужчина способен так любить женщину. Оберегал свои уголья от браконьеров, заботился о зверином и крылатом живье. С раннего детства приучил мальчишек добрыми делами почитать зелёную кормилицу, строго требовал соблюдать свои лесные заповеди: «Понапрасну – не губи!», «Беззащитным – не вреди!», «На дармовое – не жадничай!». Не словами – на деле показывал, как следует жить в таёжном мире. Сыновья в своей уже взрослой жизни, жизни без отца, помнили эти наказания. Хранили в памяти и случай, как отец однажды привёз в дом маленького лосёнка,

названного им Валькой. До мельчайших подробностей он запечатлелся тогда ещё подростку Андрею.

... Малыш Валька едва стоял на нестойких, дрожащих, непослушных ногах. Скорее всего, был у лосихи вторым теленком, по воле какой-то нелепой случайности отбившемся от матери. Отец, «ставя на учёт» глухаринные кладки, сильно испачкался и решил спуститься к распадку, чтобы привести себя в порядок. Подойдя ближе, прислушался. Впереди что-то трещало, ерзало и билось о воду. Рискуя безнадежно увязнуть в вековых завалах, увидел маленького лосёнка и высвободил его из смертельно опасного плена. Смельчаку, тут же названному им Валькой, не дал и недели от роду. Оголодавший и слабый, тот отчаянно пытался самостоятельно выкарабкаться на сушу. Но скользкий, трухлявый сушняк обламывался под острыми и быстрыми копытами, крошился и снова тянул упряма в студёную талую воду. Этот треск, услышанный Амосовым, и спас бедолагу. Не произойди встреча с отцом – ему б не жить!

В доме Валька быстро освоился, отогрелся в тёплом предбаннике на старом отцовском полушубке. Напился молока с манкой, отоспался. Назавтра уже шустро бегал по подворью, брыкался, высоко подпрыгивал и тузил забор. Полюбил тётю Соню, почему-то считая именно её своей матерью. Стоило той спуститься с крыльца, как чуткий Валька оставлял забавы, мчался к «мамке» стрелой, облизывал, тычась симпатичной мордочкой в её живот. А когда она выносила лосёнку пойло – молоко с кусочками размоченного хлеба – чуть не сшибал кормилицу с ног, на лету хватая и засасывая в рот края цветастого фартука. Бесконечные Валькины наскоки от подарка брата ко дню 8 марта вскоре оставили лишь жалкие, жёваные лохмотья.

Прислонив ведро к забору, тётя Соня ногами, и руками пыталась удерживать алюминиевое ведёрко в стоячем положении. Но Валька всякий раз, прежде чем приступить к очередной кормёжке, старался поддать долгожданному ведру копытом и только после этого спешно окунал в аппетитное питье ушастую мордочку. Изредка его голова высывалась наружу, чтобы хлебнуть воздуха. Лосёнок громко сопел, фыркал, мотал белой, мокрой мордой.

В такой час откладывались дела, и семья с восторгом наблюдала за любимцем. К концу трапезы Валька от копыт до холки был в молоке и крошках. Пойла хватало на всех нас. Лобастый шустрик не по разу благодарно обегал семейный круг, оставляя на каждом печать телячьей нежности и признательности, а заодно изрядно испачкав одежду своих почитателей. За сутки малыш набирал около двух килограммов привеса.

– Осенью, – вспоминал Андрей, – отец навсегда разлучил нас с лосёнком. «Это зверь. Таёжный зверь! Не игрушка вам. Его место там, на лесных тропах». И увёз Вальку на дальнее зимовье за Медвежью гору. Быстроногого, упитанного, с явно обозначившимися, набухающими на лбу бугорками.

Как-то, два года спустя, повстречались они на узкой, каменистой лосиной тропе. Отец узнал его издали. Но Валька остановился первым. Задрал голову, долго смотрел на идущего навстречу человека. Чувственными, влажными и волосатыми ноздрями втягивал глубоко в себя летящий от него ветерок. В раздумье переминался с ноги на ногу, хрипло мычал, прижимаясь упитанным крупом к поросшему лишайником скальному выступу. И замер, словно что-то сопоставлял и припоминал...

Отец остановился в десяти шагах от могучего красавца. Протянув к нему руки, тихо позвал: «Валька! Валька...» И тут же, вздыбив копытами известняковую пыль,

молодой лось ринулся к своему спасителю. Приблизившись, несколько раз обежал его, потом остановился, приосанился. Мотал головой, словно хвастался сильными, ветвистыми рогами. Добродушно хоркал, сопел, хукал, как в лосячем детстве, осторожно прижимаясь к родному существу торсом. Потом подошёл вплотную. Стал лизать лопастым, розовым языком старенькую фуфайку, лицо и руки отца. В холке Валька вымахал под два метра и весил около полтонны.

Расчувствованный благодарной памятью, отец дрожащими ладонями гладил доверчивую, тычущуюся в него Валькину морду. Зверь млел от удовольствия, когда добрый человек ласково трепал за длинные уши, теребил свисающую на грудь клином густую, шелковистую бороду, одобрительно хлопал ладошками по высоким, стройным ногам.

Так вот они долго и близко общались, оба довольные и счастливые от неожиданной встречи, хорошо понимая друг друга и разговаривая на языке идущих от сердца звуков и телодвижений...

Расходились в разные стороны медленно, неохотно, будто, зная наперед, что никогда уже их тропы не пересекутся...

Дмитрий Амосов погиб в тайге не от клыков и копыт диких зверей, с которыми прожил свой век бок о бок. Его убила шальная браконьерская пуля, бездумная рука злого, ненасытного человека. Нет, не человека. Нелюдя.

В ту горестную весну, навечно разлучившую сыновей с отцом, старшие близнецы Анатолий с Николаем бороздили моря и океаны капитанами дальнего плавания, «младшенький» Андрей работал в Эвенкийской нефтеразведке бурильщиком.

Сыновья помнят и любят отца по-прежнему нежно, как в далёкие годы своего взросления.

г.Красноярск